

политических фальшивомонетчиков. Даже атеист, подходя к вопросу объективно, может согласиться, что идея Верховного Добра и Разума, которая требует от человека этического поведения, содержит глубокий духовный смысл. Не случайно, что в истории человечества большая его часть принимала эту идею. А какова духовная ценность навязанной людям веры в то, что глава государства обладает всемогуществом, всеведением, всеприсутствием, тем более что в действительности этот человек был палачом, фальсификатором, губителем жизней и душ?

Об исторических религиях можно иметь разные суждения и оценивать их по-разному; но в отношении культа Сталина двух мнений быть не должно, если мы не хотим снова вернуться в кровавый хаос. Пусть даже остаются теперь люди, которые напоминают нам, как бойцы шли в атаку с именем Сталина; очевидно, что они имели в виду вовсе не реального Иосифа Джугашвили, а политический фантом, суррогат извечной идеи Божества.

Порой говорят, что Сталин открыл для атеизма своего рода «Константиновский период», т. е. эпоху государственной поддержки. Но сказать так — значит сказать не все, не главное. В «культе личности» государственная власть пришла к полному самообожествлению, утвердила себя как единственную безусловную ценность.

Страшный опыт диктатур XX века может послужить уроком и для нас, верующих. Он дает нам возможность увидеть «со стороны» облик духовной тирании, патернализма, игры на инфантильных чувствах и массовых неврозах. Этот опыт должен привести к отказу от самой идеи государственной религии, которая имела столько аналогий со сталинизмом, идет ли речь о Женеве при Кальвине или о Тегеране при Хомейни.

Р. РЕДЛИХ

Из книги «Сталинщина как духовный феномен»

УСТАНОВЛЕНИЕ БОЛЬШЕВИСТСКОЙ ДОГМАТИКИ

Стоит взять в руки любую советскую газету, поприсутствовать на любом собрании, принять участие в любой кампании, чтобы тотчас же окупнуться в однообразный, хотя и пестрый,

мир верообразных «убеждений», венчаемых своего рода культом Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина. Поверхностный наблюдатель, особенно если он не принадлежит к советскому миру, склонен принимать эти явления за своего рода коммунистическую религию. Внешнее сходство с религией действительно поражает. Красные уголки с непременными бюстами вождей, непогрешимые писания «классиков марксизма», «заветы Ильича» и непрестанные славословия Сталину, сопровождаемые неизменно «бурными, долго не смолкающими овациями», все это позволяет говорить о «культе», перенося оценку этого явления в плоскость религиозного творчества.

Считать, что мировое коммунистическое движение есть движение религиозное, все же глубокая ошибка. Ни фанатизм немногих убежденных коммунистов, ни догматизм коммунистической теории, ни сосредоточение всех добродетелей вокруг имен Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина не делает его таким. Больше того: коммунизм всегда был и будет враждебен религии. Достаточно сравнить принципиальные основы всякой религии с принципиальными основами коммунизма, чтобы убедиться в этом. Достаточно вспомнить, что всякое религиозное чувство, даже самое примитивное, есть всегда ощущение «мира иного». Для всякой религии мир, в котором мы живем, не единственный существующий. Для всякой религии, кроме нашего земного «здесь», есть еще и потустороннее «там», элементы которого, проникая в наше существование, расширяют и углубляют его. Всякий религиозный человек непременно чувствует соловьевское:

Милый друг, иль ты не знаешь,
Что все видимое нами
Только отблеск, только тени
От незримого очами...

Марксист этого не чувствует. Коммунистическая теория и практика утверждает иное: кроме нашего мира, нет и не может быть никакого другого. Этот мир конечен, прост в своих основаниях, до конца понят Марксом — Энгельсом — Лениным — Сталиным. Этот мир есть, с одной стороны, результат стихийной эволюции природы, частью которой является и человек, с

другой стороны, он есть объект для планирования и проведения в жизнь «социалистического строительства».

Научный социализм венчается утопией преобразования всей ненавистной сознанию революционера земной действительности, на месте которой, с «научно-обоснованной» исторической неизбежностью, автоматически должен возникнуть своего рода земной рай, коммунистическое общество всеобщего и бесконечного блаженства.

В этом плане уже первоначальный марксизм, а за ним и современный сталинизм, является тем, чем он в своей «научности» ни за что не соглашался стать. Он принимает в себя элемент религиозной веры. Он принимает, кроме сейчас существующего, еще и иное, лучшее бытие. Он становится верообразен.

Научные элементы марксизма, стремящиеся автоматически вывести грядущее торжество социализма из материалистической философии и эволюционной теории, сами по себе отнюдь не исключают веры в то, что это торжество действительно грядет; напротив, они скорее способствуют укреплению этой веры.

Человеком, стоящим над теорией и над практикой и предписывающим миру его законы, стал Сталин. Он тот, для кого была недействительна никакая теория, кто сам творил и теорию и практику, кто занимал поэтому совсем особое положение среди прочих человеческих существ, положение, которое весьма точно выражается термином Достоевского: «человекобог».

Мироощущение, лежащее в основе коммунистической практики, только косвенно и по частям выражено в теоретических построениях, не только потому, что едва ли сам Сталин отдавал себе в нем ясный отчет и что в обнаженном виде оно вызвало бы гораздо более резкое отталкивание в каждом соприкасающемся с ним человеке, но еще и потому, что Оно эзотерично по самой своей природе и не нуждается в словесном выражении. Оно исходит из абсолютизации власти как высшей цели и ценности, которую можно реализовать только путем насилия.

Вершина коммунистической теории — учение о преображенном коммунистическом мире. Смысл большевистской практики — абсолютное властвование над абсолютно материальным и конечным (если не в своей пространственной протяженности, то в однородности и в конечном числе господствующих в нем законов), абсолютно детерминированным и абсолютно познава-

емым миром. Это властвование (по необходимости, ибо иначе оно не будет абсолютным) осуществляется единой человеческой волей. Носитель этой воли, естественно, стоит неизмеримо выше всех остальных существ, ибо для него недействительны все «законы», открытые марксистской «наукой». Им хотел стать уже Ленин, и культ вождя коммунизма начался именно с него.

Основателем большевистской догматики, человеком, который превратил марксизм из политической доктрины в доктрину псевдорелигиозную, был не Сталин, а Ленин. Ибо именно он установил в среде своих последователей, — потому что такие положения устанавливаются, а не доказываются, — что Маркс и Энгельс непогрешимы, а каждая мысль их абсолютно правильна и подлежит только истолкованию, но ни в коем случае не пересмотру по существу.

Утверждение непогрешимости марксизма есть важнейшее из новшеств, внесенных Лениным в коммунистическую теорию. Только в свете этого утверждения можно по-настоящему понять глубокое духовное отличие ленинизма и сталинизма от классического марксизма, отличие, означающее не просто акцентирование волюнтаристических и догматических элементов у Маркса и Энгельса, но гораздо больше — превращение всей их теории в целесообразную фикцию, укрепленную не менее целесообразной и не менее фиктивной догматикой.

Кричащие логические противоречия, как внутри самой марксистской доктрины, так и в отношениях ее к выдвинутому Лениным догматическому постулату, «преодолеваются», вернее более или менее убедительно прикрываются, применением так называемого «диалектического метода», дополняемого в случае надобности учением о «мобилизующей и преобразующей роли идей», об «обратном воздействии надстройки на базис» и превращением антагонистических противоречий в «неантагонистические». Схоластические фигуры, употребляемые при этом, мы оставим без рассмотрения; они всегда имеют одну и ту же задачу — доказать правоту генеральной линии партии. С их помощью сам Сталин в «Кратком курсе» установил, что основанная на непримиримом антагонизме классовая борьба, таящая в себе гибель любого общественного строя, в социалистическом обществе превращается в неантагонистическую «критику

и самокритику», эту «подлинную движущую силу развития социалистического общества, могучий инструмент в руках партии, новый вид движения, новый тип развития, новую диалектическую закономерность». С их помощью воспитанные Сталиным теоретики без большого труда показали, что, например, паспорт в царской России был средством полицейского террора и порабощения, а в Советском Союзе стал свидетельством свободы человека, что бесплатное обучение до 1939 года было величайшим достижением советской власти, а в 1939 году таким же величайшим достижением оказалось введение платы за обучение и т. д. и т. д.

В результате советская жизнь наполнилась фикциями. Тоталитарный практицизм абсолютного властвования оброс таким количеством псевдонаучных, псевдорелигиозных и псевдопропагандных условностей, что в СССР никого решительно уже не возмущает, когда слова расходятся с делом. Слова увязываются со словами, а дела с делами. Теоретическое, или, если угодно, пропагандное, положение о «любви и уважении» советского народа к органам государственной безопасности, например, есть фикция, прикрывающая совершенно противоположные чувства. Решительно все в Советском Союзе знают это и решительно все делают вид, что принимают эту фикцию за несомненную истину, выражая свою горячую веру в нее всеми полагающимися средствами вплоть до «бурных, долго не смолкающих оваций» по адресу руководителей политической полиции и доносов на своего ближнего.

Фиктивен в Советском Союзе «трудовой энтузиазм широких масс», «веселая и зажиточная жизнь», «гениальность родного Сталина», «преданность делу Ленина — Сталина» и сотни других пропагандных лозунгов, основанных на столь же фиктивных теоретических положениях о «бесклассовом обществе», «построенном социализме», «морально-политическом единстве советского народа», «подлинной демократии» и т. д.

Догматическое, а в некоторой зачаточной форме и культовое начало в сталинизме не следует рассматривать как начало религиозное. Оно не религиозно, а псевдорелигиозно, во-первых, потому что оно направлено на предметы недостойные религиозного поклонения, так как они суть предметы не небесные, а земные, во-вторых, потому что, если принять культ Маркса — Энгельса —

Ленина — Сталина, коммунистической партии, «самой демократической в мире» конституции и других фикций за религию, то нужно принять за правду по меньшей мере фикцию «морально-политического единства советского народа» и считать, что этот народ в любой момент способен поверить всему, во что партийное руководство найдет целесообразным, чтобы он верил.

Будем помнить поэтому, что все многочисленные явления советской жизни, связанные с догматическими и культовыми началами в сталинизме, суть явления псевдорелигиозные, ибо предметы их не только не религиозны, но по большей части и фиктивны. Иными словами, что все «бурные, переходящие в оvação» аплодисменты, все напыщенные эпитеты и сравнения, выражающие беспредельную благодарность и преданность, — лишь условные выражения вовсе не существующих (и всем прекрасно известно, что несуществующих) чувств.

Разделяя марксистскую теорию, человек не может поверить в сталинскую догматику. Веруя в коммунистические догматы, человек не может быть настоящим марксистом. Поскольку, однако, первый же догмат большевизма гласит: «учение Маркса всеильно, потому что оно верно», а неприятие этого догмата рассматривается как «вылазка классового врага на идеологическом фронте» и подлежит политическому преследованию, советскому человеку остается открытым только один путь: путь изгнания всякой самостоятельной мысли, фиктивного признания теории и фиктивной веры в догматы.

Из всего марксистского наследия коммунист сталинской формации искренне может разделять только одно положение: «теория есть оружие в борьбе», причем эпитет «классовой», естественно, должен выпасть из этого определения.

КУЛЬТ МИФОВ И ФИКЦИЙ

После смерти Ленина Сталин остается на земле единственным средоточием абсолютной мудрости, абсолютной благости, а в границах социалистического лагеря — и абсолютного могущества. Он безошибочно ведет человечество к построению коммунистического общества, ибо он один ведает до конца свойства этого общества и ведущие к нему пути. Он уже создал первое в мире государство трудящихся, в котором цветут народы, осво-

божденные от эксплуатации человека человеком, наслаждаясь правами подлинной свободы, золотыми буквами записанными в солнечной Сталинской Конституции. Это государство является наиболее могущественным в мире, так как в нем идет совершенно чудесный рост всех производительных сил, в то время как в остальном мире, находящемся еще, к сожалению, под классовым господством загнивающей буржуазии, идет неудержимый процесс разложения. Сталин — это Ленин сегодня. <...>

Экзотерическая идеология сталинизма, основной характеристикой которой является догматизированная фикция, ищет своего выражения не столько в теории, сколько в искусстве и культообразном церемониале. Художнику легче изображать несуществующее как бы существующим, чем ученому (метод социалистического реализма заключается именно в приемах, придающих заданным советскому искусству не существующим в жизни образам натуралистические характеристики), а культообразный церемониал может оказывать, особенно на неверующие души, почти то же воздействие, что и подлинный религиозный культ.

Культ Сталина получает поэтому гораздо большее значение, чем практиковавшийся в двадцатых годах культ Маркса — Энгельса — Ленина, хотя принципиально мало чем от них отличается. Исходя из фикции и возвращаясь к фикции, он, как и всякое действие, не может оставаться только фикцией. Психологическая закономерность, в силу которой мы становимся грустны, если нам удастся заплакать, вносит в культ Сталина сверх содержащейся в нем фикции еще и предписываемое этим культом содержание, искусственно рождающееся от фикции, но преломляющееся в сознании как подлинное. Пропагандный смысл этого вида «обратного воздействия надстройки на базис» заключается в том, что к сознанию советского человека, и без того затемняемому целой системой схоластических выкладок, пристраивается специальный угол «сознательности», принимающий в себя ряд своего рода псевдоэмоций, в значительной мере нейтрализующих или по меньшей мере сковывающих чувство ненависти к партийной диктатуре.

Существует известное замечание Сталина о том, что ему «неловко читать» постоянные похвалы Сталину. В этой «неловкости» есть только один смысл: она имеет целью поддержать фик-

цию скромности человекобога, совершенно безразлично, льстит ли культ Сталина сознанию самого вождя или нет. Помимо того влияния, которое оказывает на сознание советского человека ежедневное и ежечасное восхваление мудрости, благости и могущества человекобога, советскому обывателю, только что принимавшему участие в демонстрации преданности «партии, правительству и лично товарищу Сталину», подписавшему ему очередное письмо с выражением горячего желания понизить, скажем, расценки на изготавливаемую им деталь, может быть очень досадно, что он принимал участие в действии, в котором не чувствует ни малейшей надобности, но всё же несколько неловко тут же думать совершенно обратное, тем более что это обратное весьма сурово карается.

В отличие от его догматической стороны, теперь уже хорошо разработанной, обрядовая сторона большевистского культа еще только грубо намечена и не получила самодовлеющего значения.

Она не может получить его по крайней мере до тех пор, пока в нее не введен мистический элемент. У партии Сталина есть священные книги: все, что написано четырьмя человекобогами. У нее есть каста толкователей этих священных книг, возглавляемая самим живым человекобогом Сталиным, который, таким образом, является одновременно как божеством, так и верховным жрецом своей собственной псевдорелигии. Вся эта система, однако, — и потому то она не может стать подлинной религией, а вынуждена развиваться по пути религиообразного лицемерия, — точно так же отрицает всякий потусторонний мир, как и материалистическая марксистская теория.

Без веры в потустороннее, однако, не может быть мистики, а без мистики не может быть ни молитвы, ни таинства, без которых религиозный обряд не имеет смысла. В отрицании мистического начала и в зачаточном состоянии обрядности при весьма сильно развитой догматике лишний раз раскрывается ущербность коммунистической псевдорелигии, вытекающая, как мы уже видели, из фиктивности ее содержания.

Современный культ Сталина и коммунистической партии не знает храмов, как специальных помещений для совершения религиозного обряда. Красные уголки, по внешнему оформлению напоминающие храмы, как раз почти никогда

не употребляются для проведения коммунистических церемоний сколько-нибудь значительного масштаба. Высокоритуализованные церемонии, возвеличивающие Сталина, Ленина или какой-нибудь коммунистический праздник, напоминают богослужение, только немного больше, чем церемониальные обычаи при каком-нибудь европейском дворе двести лет назад. А известные ежегодно произносимые речи «без Ленина по ленинскому пути», хоть и, несомненно, похожи на торжественные проповеди, не сопровождаются ничем, всерьез аналогичным богослужению.

Без признания потустороннего мира, без мистики, молитвы и таинства можно создать только фиктивную обрядность, и все сходные с ней явления, которые довольно легко наблюдать в советской жизни, даже несмотря на их тесную связь с догматикой, следует рассматривать скорее как церемониал, чем как религиозный обряд.

Коммунистическая псевдорелигия исчерпывается, по существу, догматикой. Заключенная в ее «священных книгах» материалистическая теория служила до сих пор непреодолимым препятствием для развития веры в потусторонний мир (мир идеального бытия материализован в ней в виде коммунистического общества, венчающего мировую историю), а отсутствие этой веры не давало возможности развиться мистике и основанной на ней обрядности, — лишнее доказательство фиктивности всех ленинских и сталинских верообразных построений.

Коммунистическая псевдорелигия — это культ догматизированных фикций. Сама по себе она эмоционально пуста. Связанные же с ней культовые начала, наиболее ярко выражающиеся в поклонении Сталину, питаются не из потребности человека верить и поклоняться, а совсем из другого источника: из нужд «обратного воздействия надстройки на базис», стремящегося поставить себе на службу всю духовную жизнь советского человека.